

С. ГАНСОВСКИЙ

В РЯДАХ БОРЦОВ

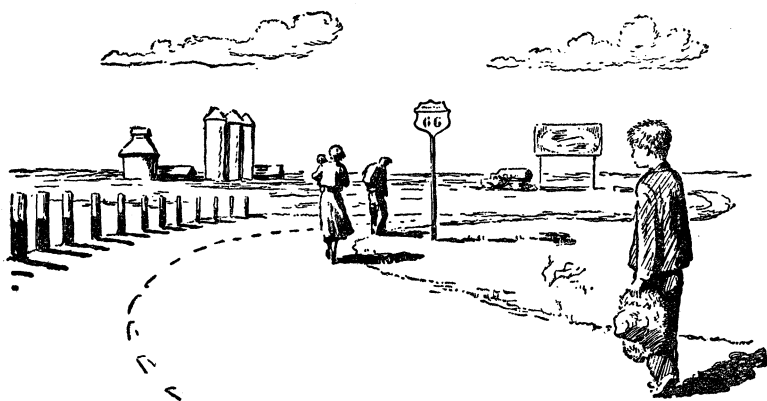
Рисунки В. Власова

**Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1952 Ленинград**

Обложка В. Ветрогонского

**ВТОРОЕ ДОПОЛНЕННОЕ
ИЗДАНИЕ**

***Отзывы и пожелания издательству
направляйте по адресу: Ленинград,
набережная Кутузова, 6, Дом
детской книги Детгиза***

ФЕДЕРАЛЬНАЯ № 66

Они шли вчетвером. Вернее — втроем, потому что Розу мать несла на руках.

Впереди шагал отец — мужчина немногим больше сорока пяти лет, высокий, с широкими крутыми плечами. Он шел согнувшись, чтобы ремни заплечного мешка меньше врезались в плечи, но когда выпрямлялся, сразу было видно, какой это большой и сильный человек. На нем были выцветший синий комбинезон, серая рубашка, из-под которой виднелась загорелая грудь, холщевая измятая кепка и тяжелые с железными подковами ботинки. Его лицо с глубоко запавшими глазами побурело от солнца, ветра и дорожной пыли. Наклонив голову, отец глядел на убегающую под ногами серую, бесконечную ленту дороги.

Мать шла немного позади. Это была статная женщина с коричневым от загара лицом, в туфлях на босу ногу, порывевшей от солнца кофточке и широкой юбке. Поправляя время от времени прядь темных волос, падавших на лоб, она тревожно поглядывала на лицо девочки лет трех, которая спала у нее на руках. Губы ребенка распухли, покраснели и резко выделялись на бледном личике.

Мальчик шел последним, далеко отстав от родителей. Большую соломенную шляпу с потрепанными полями он

сий. — В 1929 году, когда началась безработица, мне отец всё говорил: «Скоро она кончится». Говорил, говорил, да так и умер от голода. А я вот с тех пор почти не вырос.

Томас подумал о себе: научил и он будет таким мальчиком? Нет, этого не может быть!

Но сегодня он целый день не сл и, наконец, совсем вырос. И завтра ничего будет есть.

— Так что же делать? — сказал отец.

— Что делать? — ответил возмущенный голос. — Отобратъ у них все фабрики и заводы! Тогда безработица кончится.

— Так только коммунисты делают. — прошепел черноволосый.

— Никогда не видел ни одного коммуниста, — ответил тот же голос. — Хотелось бы посмотреть. Наверное, хорошие ребята.

— Они уничтожат всё, — твердил черноволосый. — Они не признают семьи...

— Да, — неожиданно вступил в разговор мужчина в старом свитере и армейских оловянных ботинках, — комму-

Томми прождал минут десять, наклонившись спиной к грядке в небо. Потом снова поднял над собой, взял его на другое плечо и двинулся дальше.

Теперь он шел медленнее. Кажется, мешок тяжелел с каждым шагом. А Томми думал о том, как провозит картофель в лагерь, как соберутся люди и все будут рады. Они смогут будут сидеть у костра, есть горячие картофелины и разговаривать.

Меньше чем через километр мальчик опять вынужден был отдохнуть. Потом, пройдя метров триста, остановился еще раз. Он начал отывать шнур. Плечи и спина болели жосточнее. Руками Томми старался отталкивать мешок от груди, чтобы легче было дышать, но и руки тоже устали. Он весь весьмог и покраснел пылью.

С каждым шагом идти было все тяжелее.

Теперь мальчик уже не думал о том, что сидит в лагере. Все началось, осталось только один шаг — довести мешок. Больше всего ему хотелось лечь и лежать неподвижно, но Томми знал, что надо горючиться. Небо на востоке начало светлеть.

ИНАГАРА

Собаки жили во дворе, в сарае. Их было пять-шесть, а иногда и десять. Указывая на имени Токи — тиграшник, колесного роста, одиннадцатилетний мальчик с торчащими по обе стороны черными волосами. Руки у него всегда были красные и потрескавшиеся, потому что с утра до ночи он возился в доме и во дворе: котел дрова, носил воду, убирал в конюшнях, чистил собакам клотки. Собак он боялся и не любил. Но еще больше Токи боялся своего хозяина.

Хосин — мастер Каридуэ — был высокий, угорелый человек с беспрестанными глазами и узким серым лицом. Жидкие волосы какого-то неопределенного цвета он зачесывал назад. Голова у мастера Каридуэ была сухой, остроконечной. Когда хозяин отдавал какою-нибудь приказание Токи, то всегда смотрел в сторону или поворачивал голову наизукива.

Тоня вошел в комнату. Некоторое время оба молчали. Тоня вообще всегда молчал: жизни ограничивалась одними распорядками, а знакомых у Тони тогда не было. Только в доме напротив жила чистильщица сапог, и мальчик общивался с ней несколькими словами, когда они утром встречались у водокачки.

Тоня терпеливо ждал. А женщина, глядя в потолок, что-то обдумывала.

— Никому нужно убитъ. — наконец сказал он.

Мальчик продолжал молчать. Тогда мастер Харисус объяснил, как это нужно сделать.

— Встанешь на на покладъ и выскочишь к реке. На мосту привяжешь ей камень на шею и спускаешь в воду. Только не забудь снять ошейник.

Тоня повернулся и вышел из комнаты.

— Мальчик, — крикнул хозяин. — Не забудь снять ошейник!

Тоня вошел в сарай.

Здесь было темно и остро пахло собачиной. Клетки стояли насквозь. Направо на лугорешской постели лежал Тоня — руча сапогами и несколько тряпок. В углу сарая стояла бочка с водой.

— Она зла, — повторил ирландец. — Будет хорошая драка.

— Это верно, — сказал Кардус. — Мальчик, — обратился он к Томи, — жовни он скоро и мадеи имтердиг. Миа се волюем ты бей.

Томи серьёзным покачал головой. Кардус сжал со стесом ружейный крюк и издали ударил мальчика. Но Коши своим дотронулся до его руки.

— Миа се самк волюем, — сказал он.

— Как ты се волюем? — спросил Кардус.

Ирландец вышел за загородку с внешней стороны. Когда на одной из жаровь был привезен конец веревки, которая была на ошейнике у Нидгары. За этот конец Коши протянул упряможающую собику и релетие нидутри. Потом он крикнул Кардусу, чтобы тот дал ему еще веревки. Кардус крикнул.

Теперь, когда Нидгара находилась у релетия, Кардус смело вошел за загородку, отшвырнул Томи в сторону.

В АНГЛИЙСКОМ ПОРТУ

В холодные осенние утра Северное море бросает на английской берег потоки ливней. Ветер свистит между малыми карачиными домиками, слышны стук по красным черепиным крышам. Малолюдно и тихо в адских портах по восточному побережью в Зундербанде, Вестхартпуле, Слутиньялсе. Никто не выходит из дома.

Сарае войны бьются о причалы. Дождь струями стекает с багряных напыленных краков, ржавых, без дела. Капли барабанил по надстройкам груженых лесом пароходов, которые — один, редко два — стоят в порту; по морюс бухтам ливнем, по бросилу на слезоточимых шлюпках, по бартам. Ватенный матор в клещчатом плаще причеся от дожда в проходе над маринными отделениям и там курит свою трубу, подставляя на волты синявого цвета, на крыше холстом портоныс постройкой и булыжную мостовую. Сторож из бегу сидит в своей будке с затекленной дверью, положив ноги на маленькую плиту с горячими углями.

Там, где кончается территория порта, холм дороги, прижимаясь синими в холодной стене пастуза, сидят дети. Малышки и девочки бели, волосы, двести лет. Дождь

Ей стало тепло. Забылась колесная комната и чувство голода. Мороз нравился ей всё больше и больше.

Двери в кухне отворились и вышел светловолосый. В руках он держал большую булку, две блинчики консервные банки и круг колбасы. Увидев всё это, Винка сразу стала серьезной. У нее перелетало дыхание и стало сухо во рту. «Нужна всё это мне?» — подумала девочка. Этой дорогой, вкусной еды ни «мало» бы на несколько дней. Но разве можно было надеяться, что они отдадут ей всё? Только очень богатые люди могут так делать.

Светловолосый посмотрел на неё, что держал в руках, на девочку. Мороз в тельняшке встал с мазкового столика, тенту и вошёл на томарицу. Тот принахлос завертывать в неё и булку, и консервы, и колбасу.

Винка не сказала ни слова со светловолосого. Мороз в тельняшке перевёл этот взгляд и занёс её головой.

— Сейчас, сейчас, Винка. Всё будет в порядке. — Он вскакал, сунул руку в карман и вынул оттуда горсть жёнов. Потом подумав минуту, вынул из другого кармана носовой платок, вымыл туда все жёны и вынул усы платка.

Светловолосый уже закрыл ему в пакт. Он передал его батюшке и подошёл к аккумулятору.

— Мы не можем тебя представить сюда, девочка.

— Её зовут Винка. — сказал ему мороз в тельняшке.

— Мы не можем представить тебя к себе, Винка, — ответил светловолосый, — Катюша нашего порта уверила нас это. Жаль, что мы завтра уже уйдём. А сейчас война всё это.

Он через аккумулятор легонько фревал сверток. Потом ушёл у всё Винка.

— И это. — сказал мо-

рах в тельняшку и бросил туда же свой платок с драгоценьями.

Викни этого не двинулось. Девочки никак не могли поверить, что всё это для них.

— Вы, наверное, очень богатые люди, — сказала она девочке.

— Да, — ответил светло-волосый. — Мы очень богатые. Богато всех в мире!

— Спасибо, — сказала девочка. — Спасибо. — Викни вдруг услышалось, что кто-нибудь движется от неё всё это богатство. Она оглянулась, но на тонком прутье не было никого.

Наступилась, Викни подняла свертки и деньги. Оба морща смотрела на них улыбаясь. Эти два восковые лица и светлый круг латунишатора издалась девочке кусочком совсем другого, светлого мира, который случайно попал в холод и темноту ее дальнего городка.

— Вот, — сказала моржа в тельняшке и привстало мигнул рукой.

Девочки повернулась и побсали по причалу.

* * *

Дома Викни рассказывала всё отцу и матери.

Когда развернули платок и вынули из платка блестящие пенки и золушник, отец взял галету, в которую моржик завернул свои подарки, осторожно разглядыв ее и положил на стол.

Это была галета на чужом, незнакомом языке.

Отец долго смотрел на нее, как будто пытаясь что-нибудь прочесть.

Мать и Викни не сводили с него глаз. Потом отец показал на фотографию в конце волоски. Здесь был изображен мальчик лет шести в белой рубашке и коротких черных штанин. Он стоял в саду, в лодке всего игривом другом дню. В руках мальчик держал большую блестящую трубу.

СЛОВО ПРАВДЫ

Осенний ветер проносился по улице. Он обрывался на огромный рекламный щит, сделанный из коротина, и от этого по нему пробегала желтая рябь, а лицо мужчины, нарисованное на щите, то хмурилось, то, наоборот, светлело.

Человек на рекламном щите был огромного, чуть ли не в два этажа роста, обладавший до пояса, по широким плечам у него торчало два пистолета. Он стоял, положив руку на штурвал корабля, а кругом по всему щиту была одна на другую набита космическая роса. В левом нижнем углу щита был изображен бран, идущий под парусами. В правом — три людей голые по росту и одетые по широте, с толстыми, помеховыми платками, с бороды в ушах и красными конями в руках. Все это, вместе взятое, являлось рекламой нового фильма «Сестры».

Уже знают пятидесятые Майе не отрываясь рассматривали этот щит. Тот же ветер, который тасталел мужчину на щите то улыбаться, то хмуриться, пробирался в щелку

здоровую руку Майку, а тот ухватился за шею его локотком, улыбаясь лениво. Малыш ухватился за руку конторщика и встал рядом с ним.

— Скажи, что думает твоя мать насчет войны, — сказал конторщик.

Майк откинулся назад. Невольно взглянул на него с удивлением, многие очень дружелюбно. Конторщик был откровенным и нервно постукивал пальцами по ручке кресла.

— Это неправда, — промолвил малыш. — Маме не ко-чет войны. Мой отец вернулся без ноги.

Громкий шум покрыл его слова. Люди автодромовали, светели. Невольно кричали: «Доволь!»

Пылающий шум, снова заговорил конторщик:

— Ясно, кто хочет войны. Давайте сделаем так: уйдём из кинотеатра, и посидим тихо у входа. Пора прекратить фашистскую пропаганду.

— Поехат уже стоит, — крикнул кто-то из задних рядов.

— Тогда пойдёмте!

В зале расставили отодвинутые кресла, и люди начали заволакивать проходы. Только высоченный человек остался сидеть в опустевших рядах. Директор кинотеатра бегал по

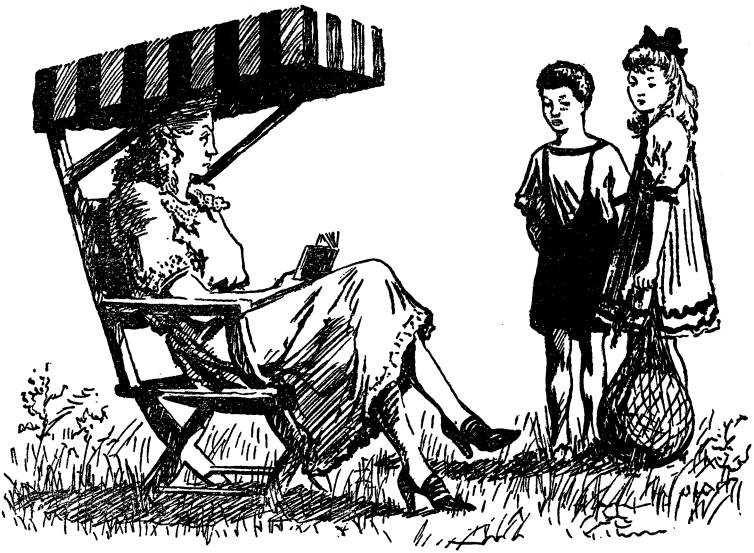

Д И К

Дик жил в штате Северная Дакота в Америке. У его родителей была маленькая хижина, сложенная из фанеры и бревен, которые привезли река. Не особенно удобное жилище. В крайняк вода протекала, хотя бы шел самый маленький дождь. Но если ветра никакого не было, так и это оказывалось хорошим.

Это уж какое раздолье было для Дика и Лесу! Вернее, не в лесу, потому что кругом остались одни только лес вырубил. Но между ними рос кустарник, и поэтому протекла река. В двух километрах от хижин Дик наводилась заброшенная дача и возле нее сад с высокими деревьями. Раньше на этом месте работала лесопильная фабрика. Но когда все кругом вырубил, фабрика остановилась и все ее люди уехали. Дик один был всему хозяин.

Черный Балли, отец Дика, остался вторым воле пустой фабрики. Компания решила ему построить здесь свою хижину. Балли даже пожелал использовать куски

Коллина. Он подошел к Диксу, который стоял неподвижно с широко раскрытыми глазами, ничего не понимая, взял его за две твердые пальца, покусывая табак, и потянул к себе.

— Слышишь ты, чертовка! — кричал мастер Коллин, — чтобы твои черные морда никогда здесь не появлялись! Понял?!

Он ударил Дика ногой в ягодицу. Потом вернулся на веранду к вину и газете.

Дик около часа пролежал на земле. От боли и обиды он никак не мог встать. Просто вложить пальцы болей и только только вскакивал. Он слышал, как плакала Нанка, что-то говорила миссис Коллин, а потом мисстер Коллин закричал, что он ни о чем не знает, если она не перестанет мешать ему читать газету. Когда боль и слезы утихли, Дик успокоился немного. Толстой красный мур-

ПОД МОСТОМ

Где-то далеко lontano слышал мой паровозного гудка. Звук проносился над длинным рядом одинаковых кирпичных мостов на берегу и уходил по воде канала.

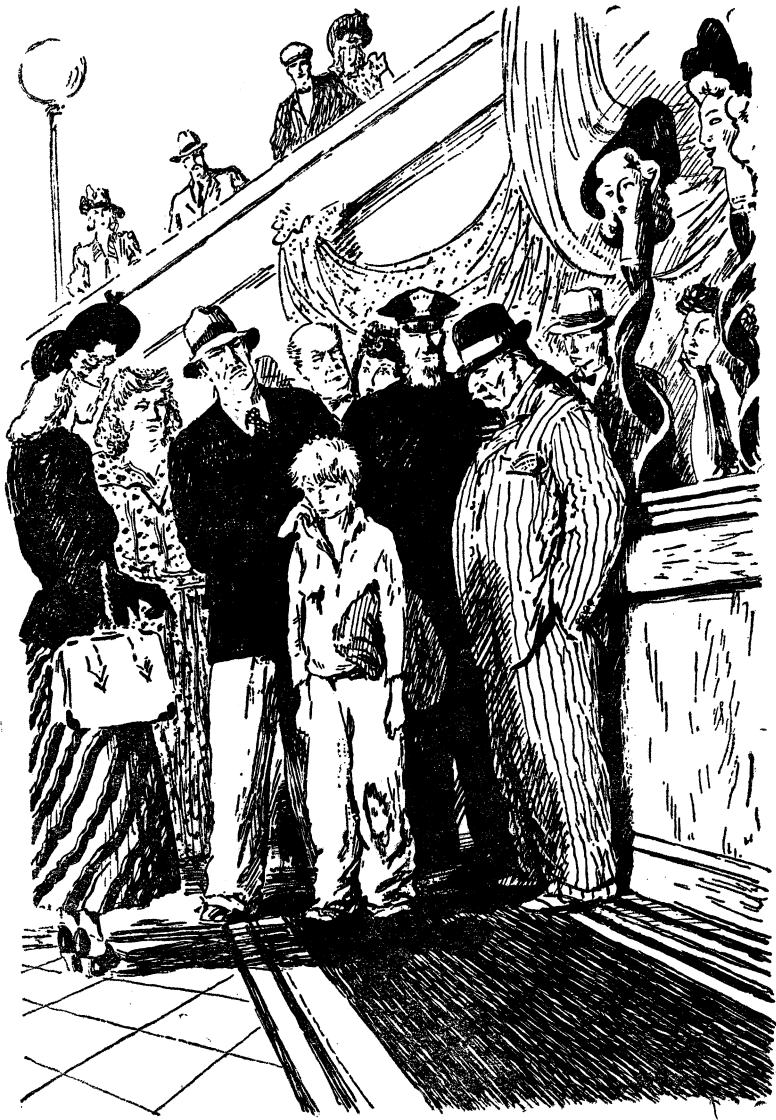
— Час ночи. — сказал Броджер. — Пошел скорый в Чикаго. Когда-то я на нем работал. Вот кружочек было... Ну ничего. Я еще вернусь.

Айя закурила сигарету и шмыгнула в воду бурок. На мгновенье в темноте появилась светящаяся красная дуга, потом раздалось короткое шипенье. Под мостом, где она все сидела, было совсем темно. Там, где на воду не падали тень, свет и звук от моста, она казалась покрытой глянцеватой лоснящейся пленкой. На этой пленке вертелась банка фонарей, тусклые отражения освещенных окон и пламя ртутных ламп. Вода в канале была не та-кой, как в прозрачных реках и чистых озерах, а густой, лоснящейся, лезвией.

Воздух здесь пропитался сыростью, вода собралась на кирпичных мостах, борозды канала отсюда. По ночам звук этих падающих на бетон капель был единственным, что

МЕКОНИАНЦЫ

— Вот идет мекононец, — сказал Даник.

— Пусть идет, — Хьюс поднял наполовину налитый стакан с виски и стал смотреть за приближающимся меконцем.

Тот шел медленно, обходя штабеля дров с лопастями, которыми был заставлен двор фермы. В некотором отдалении от него блуждала семья: жена — женщина лет сорока, спортивная, с ретивым чартом лица; худощавая девочка лет шестнадцати и двое мальчиков — десяти и пяти лет, — оба смуглые, черноволосые, с быстрыми и дерзкими движениями.

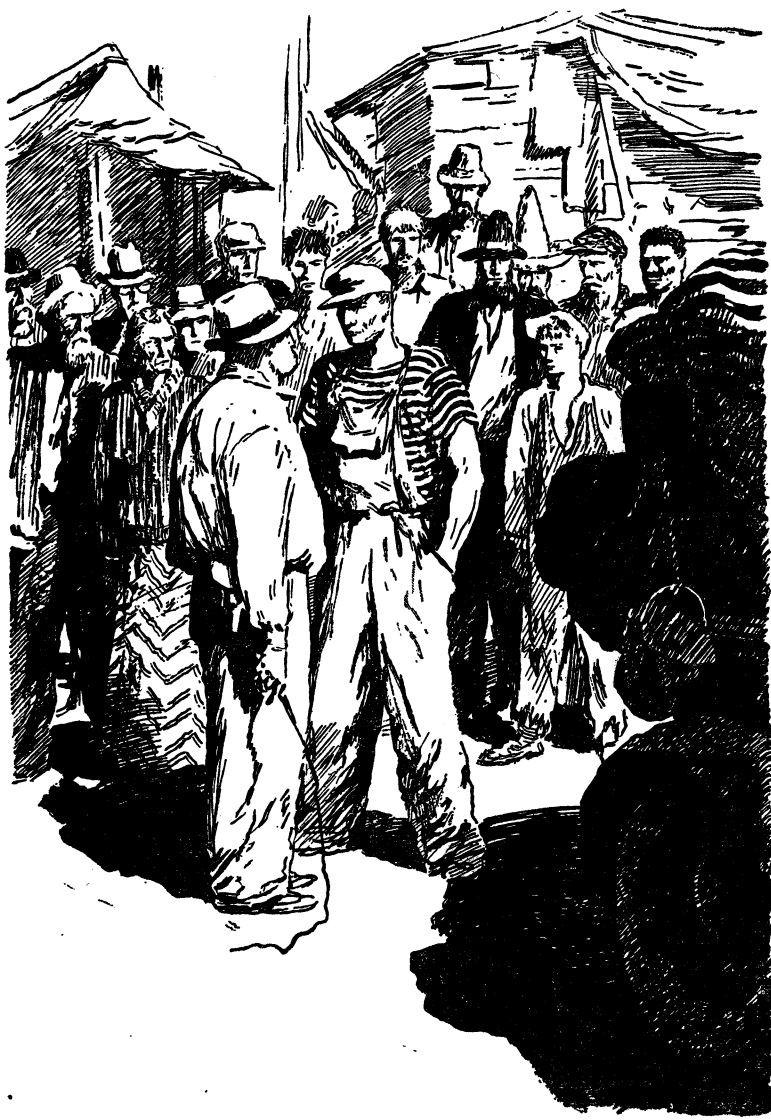
— Ничего себе семейка, — сказал Хьюс, — самый курьез.

— А чего ему надо? — спросил Даник. — Ты что не рассчитал еще?

— Ну да, не рассчитал! Я вчера со всеми покончил. Наверное, что-нибудь не понравилось.

СЭМ ИДЕТ В МОРЬЕ

Сэм проснулся рано. Уже рассветало и тонкий луч солнца протянулся от земли к стене хатены к соломенной подставке, на которой он лежал. Из-за стены доносился легкий, сухой повет. «Кукуруза поспевает, — подумал Сэм. — Хорошо, если бы не было дождя».

В солнечном луче вливали золотые вылилки. Потом по лугавке откуда-то сверху спустился маленький пух и по-ник пошмыкался. Сэм привстал и пошарил возле себя рукой, отмахивая трубу. С машин, который стоял у входа, неожиданно спрыгнула большая крыса и, промчавшись мимо Сэма, вернулась к месту возле двери. «Отчего здесь крысы? — удивился Сэм. — Им и есть-то нечего. Машок с кукурузной мукой мать возает к постелу, а пятак стелю в море на плите, — им туда не добраться».

Он вспомнил, что в прошлом году у соседей крыса укусила мальчика и тот несколько месяцев ходил с гипсовыми раной. «Надо бы их выместа», — подумал Сэм.

мешками под глазами было на расстоянии двух шагов от Сайма, и он ощутил огромное желание ударить по нему.

Но Сайм знал, что это означало бы конец всему. Он только покачал головой и, сдерживая гнев, сказал:

— Нет, сор. Вы меня на это не вызовете. Я просто надумал поговорить. Я не хулиган.

— Нет, ты в самом деле решил поговорить? — спросил Саймор. Его маленькие носы были внимательно смотрели на Сайма.

— В самом деле, — ответил Сайм.

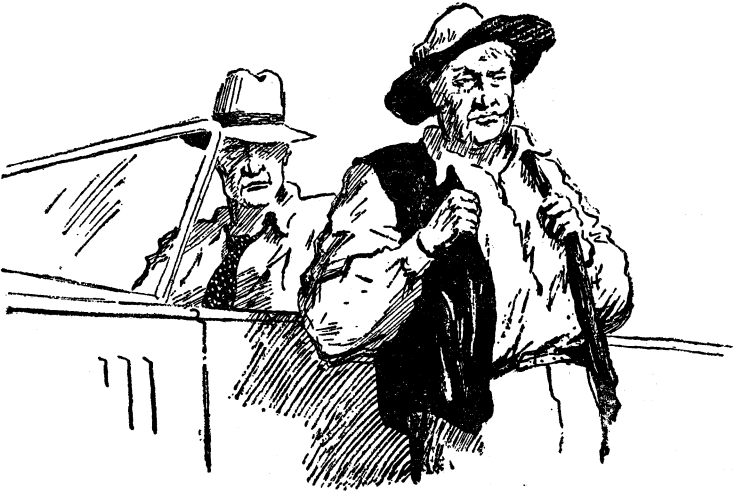
— Послушай, Сайм, — сказал Саймор, вдруг изменив тон. — Я против тебя ничего не имею. Я знаю, что ты сильный парень и хороший работник. Но лучше ты выслушай эту дурь по голове. В таком случае погнать не погосуют.

— Я имею право голоса, — возразил Сайм.

— Ну, тогда иди в яду, что если с тобой что-нибудь случится, то я не смогу тебе помочь. — Он снова отшатнулся на сторону сиденья, давая понять, что разговор окончен.

Сайм вышел дальше. Он шел теперь по главной улице города. Редкие в этот час прохожие оглядывались на него.

На углу Майнстрит с улицей Вашингтона сидел чистильщик сапог Парсон. Увидев Сайма, он помахал ему шляпой.

— Осталось только три. — ответил Сам. Он весь дрожал от охватившего его гнева.

— Своейво, своейво, мальчик! — сказала мать. Она встала, руку ему на плечо. Удивленный ее изданным криком, Сам посмотрел на мать. Губы ее были сухими, брови нахмурены. С той минуты, как мать увидела Дюна, вставшего с постели, она поняла, что пришла худую-плакучую. Она уже пережила свой страх и сейчас в ней была одна холодная ненависть.

Всплывавшая из-за кулис послышалась речь.

— Сам, слушай, что я тебе скажу, — громко говорил Кинфтон, Сам сразу узнал его по голосу. — Если ты сейчас бросишь револьвер и выйдешь на среднюю дорогу, мы ничего тебе не сделаем. Мы тебя только немного подождем. Иначе будет еще хуже. Сам. Подумай о своей матери.

ДОМ НАПРОТИВ АПТЕКИ

— Ну так вот, Гарри, — сказал Эфрем Брун, — сделай так, чтобы из прочно вековые люди. Не всем, конечно, давай. По закону это не запрещено, но полиция может тебя поймать в ловушку.

Маленький закончил пилу листов под повисшую рубашку. У него были черные волосы, узкое лицо с острыми подбородком, серые глаза, — обычный тип подростка чика, а Нью-Йоркских трущоб. Гарри исполнилось четырнадцать лет, но на вид он казался гораздо старше.

В комнате старинных книг Эфрему сказали, что он может научить Гарри распространению листовок. Но теперь этот мальчишка с его темными глазами, в которых просветляли надежда, не понравился Бруну.

До войны Эфрем все время работал батраком на ферме и только после демобилизации остался в Нью-Йорке на закон. Эти ребята из трущоб казались ему совсем посторонними.

